УДК [133:343.915]» 18/19»(47) DOI: 10.12737/16802

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА РУССКОГО СТАРЧЕСТВА В ВОПРОСАХ ИСПРАВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Матвеева Е. С.[1]

В статье проанализированы изменения в духовно-нравственном и религиозном климате российского общества XIX – начала XX века. Выявлены особенности отечественной модернизации, предопределившие постепенное разрушение традиционного патриархального уклада жизни широких масс, и приведшие к трансформации мировоззрения в сторону его секуляризации. Определены также и глубинные проблемы «религиозного невежества» значительной части православного населения Центральной части России, выражавшиеся в большом количестве суеверий, предрассудков и ересей, несовместимых с официальным учением. Охарактеризован кризис Русской Православной Церкви (РПЦ), выражавшийся в быстром численном росте различных сект, укреплении старообрядческих общин, развитии свободного богоискательства и распространении атеизма.

Рассматриваются в статье педагогические основы института русского старчества, предлагающие для России определённую антропологическую стратегию, в основе которой находятся не только юридические законы, но и духовно-нравственные первоосновы. Большое значение в статье уделяется обоснованию роли института старчества в вопросах исправлении несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: старчество, духовные наставления, просветительская деятельность, несовершеннолетние преступники.

THE VALUE OF RUSSIAN INSTITUTION OF ELDERS IN MATTERS OF CORRECTION OF JUVENILE OFFENDERS IN RUSSIA IN XIX - EARLY XX CENTURY

MATVEEVA E.S. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Orel Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

The article analyzes the changes in the spiritual, moral and religious climate in Russian society in XIX - early XX century. The peculiarities of national modernization, that predetermined the gradual destruction of the traditional patriarchal way of life of the masses, are revealed; they led to the transformation of the world towards its secularization. The underlying problems of "religious ignorance" of a large part of the Orthodox population of the central part of Russia are determined, which are expressed in a large number of superstitions, prejudices and heresies incompatible with the official teaching. The crisis of the Russian Orthodox Church (ROC) is characterized, which is expressed in the rapid numerical growth of the various sects, strengthening of the Old Believer communities, the development of free God-seeking and spreading atheism.

The pedagogical foundations of Russian Institute of elders are considered in the article, which determine certain anthropological strategy for Russia and are based not only on legal laws, but also on spiritual and moral primordial. Great importance is paid to the justification of the role of the institutions of elders in matters of correction of juvenile offenders.

Keywords: elders, spiritual guidance, educational activities, juvenile offenders.

Матвеева Евгения Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал (Российская Федерация, г. Орел), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Основной и наиболее значимой чертой характера русского народа является его религиозность и связанное с этим искание абсолютного добра, поэтому то он и руководствовался не только богословскими трудами и ориентирами на авторитеты, но и живым религиозным опытом[1]. В России религиозное сознание всегда оказывало ощутимое влияние на правовое, давая в его распоряжение представления о природе человека и общества, и тем самым помогало ему построить идеальную модель гармонизации интересов личности и общественных требований, устанавливая некую меру ограничения свободы индивида в социуме, которую возможно было бы признать справедливой[2]. Образ человека всегда обладал религиозно-духовными основаниями и оформлялся в рамках каждой цивилизации под определяющим влиянием не только каких-либо отвлечённых теоретических концепций, а конкретной религиозной традиции и присущей ей теологии. Такой религиозной традицией в России является православная аскетика – особая духовная практика, призывающая к активному личностному духовному совершенствованию. О подвигах христианской любви, проявляемых отдельными лицами, можно много говорить. У каждого народа таких примеров очень много, и не только среди воинов, врачей, сестёр милосердия, но и среди духовных пастырей и старцев[3].

Аактуализацию православная аскетика получила именно в феномене русского старчества, предложившего миру общезначимую, универсальную стратегию человеческого самоосуществления. Старец – этот термин, который в большинстве случаев относился к престарелому, мудрому человеку духовного сословия (монаху)[4]. Он был уважаемым и почитаемым в народе[5]. Являлся духовным наставником, руководителем верующих или других монахов[6]. Старец воспринимался как слово синоним к понятию молитвенник, то есть человек, который усердно молится за других[7].

Реже встречается термин старица – олицетворяющий образ женщины преклонных лет, осуществляющей духовное подвижничество[8]. В настоящее время об этих явлениях известно не много, но все сходятся в мысли о том, что это благодатное дарование свыше. Как отмечал протоиерей Александр Соловьёв – «…старец становился для учеников умом, совестью для сердца, через которое кровь естественным образом распределялась, двигалась и обращалась. Старец был «твёрдым дубом», около которого возрастали обвивающие вокруг него слабые растения, которые в одиночку погибли бы от бурь и ветра…»[9]. К осознанию института старчества, как многопланового национального явления неоднократно обращались учёные. К онтологическим аспектам данного явления проявляли интерес В.П. Гриценко, О.Н. Ордина, иеромонах Рафаил (Ивочкин), В.М. Кургузов, Е.В. Худякова и др. Феномен русской религиозности старчества рассматривали С.С. Громыко, архимандрит Иоанн (Экономцев), М.М. Бычкова, Т.П. Довгий и др. Неоценимый вклад внёс современный исследователь С.С. Хоружий, определяя старчество как духовную антропологическую стратегию. Педагогические аспекты в

[1] Лосский Н.О. Характер русского народа. Ч. 1 / Н.О. Лосский. – М.: Ключ, 1990 – С. 5–11.

[2] См.: Матвеева Е.С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России / Е.С. Матвеева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №1 (51). – С. 90–96.

[3] Успенский А.А. На войне. В плену: Воспоминания., СПб.: Издательство К. Тублина, 2014. – С. 439.

[4] Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Издательство Эксмо, 2002. – С. 621.

[5] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е издание, дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 762.

[6] Большой толковый словарь русского языка / Сост. и главн. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – С. 1260.

[7] Толковый словарь русского языка: в 4-хтомах / Составитель В.В. Винокуров, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др.; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994. – С. 247.

[8] См.: Чистые души: рассказы о святых женщинах / Автор составитель В.М. Зоберн. М.: Эксмо, 2014. – 512 с.

[9] Цит. по: Православные старцы: Жизнеописание, мудрость, молитвы / Автор и составитель Л.Н. Славгородская. – М.: Эксмо,2013. – С. 12.

деятельности русских старцев освещались в трудах П. Иноземцевой, Е.П. Белозерцева, Е.Б. Евладовой, Н.В. Маслова и др., которые раскрыли основные цели, задачи, принципы и методы воспитания.

Ввиду того что термин старец в большинстве случаев относился к человеку духовного сословия, поэтому в некоторых источниках их называют монастырскими пастырями. Первоначально данное явление было распространено в древних египетских и палестинских киновиях, потом на Афоне и позднее, осуществляя самобытную национальную рецепцию византийской традиции перешло и в Россию. Зарождение института старчества происходило постепенно, и не смотря на то, что монашеские традиции стремятся к сохранению выработанных форм, достаточно консервативный институт старчества приобрёл в России новую, отличную от древневосточного института форму, а точнее получил дальнейшее развитие и обогащение. Процесс был достаточно органичным, так как в русском старчестве родилась новая плодотворная форма взаимодействия аскетической традиции с миром и мирским человеком, которая соответствовала особенностям русского православного менталитета[1].

Впервые о старчестве на территории России упоминается в «Сказании о черноризьчьстем чину» Кирилла Туровского, датируемое XII веком. В нём предоставляется описание взаимоотношений между старцем и учеником, а так же быт древних подвижников.

Далее можно отметить «Предание некого старца учеником своим о иноческом жительстве» и «Предание к своему ученику, еже како внимательно седети в келии», датируемое уже XV веком. Предания содержат краткое изложение основ старческого руководства новопостриженным инокам, некоторые советы о монастырской жизни, а так же информацию об отношениях к старцам. Это произведение (за неимением других) пользовалось популярностью и имело практическое применение, о чём свидетельствует большое количество списков, некоторые из которых относятся к XVII веку[2].

В содержании Уставов монастырей так же прослеживается информация о данном институте. Так Нил Сорский, являясь представителем греческой школы в духовной жизни, был также знатоком и византийской церковной литературы[3]. Он в «Предании» и в «Уставе о жительстве скитском» достаточно подробно представил, каким должно быть старчество, так как сам старчествовал. Он, считая себя последователем раннехристианских идей, проповедовал специфическое аскетическое учение, стремящееся к «нестяжанию» и достижению внутренней духовной сосредоточённости.

В полном смысле институт старчества укоренился в русских монастырях только лишь в конце XVIII – XIX веках. Возрастание интереса в России к старчеству связано с именем преподобного Паисия Величковского, осуществлявшего подвижничество в Молдавии и имевшего большое количество последователей и учеников. В XIX веке старчество уже процветало в Киево-Печерской, Псково-Печерской и Троице Сергиевой лаврах, Глинской, Санаксарской и Оптиной пустынях, Валаамском и Саровском монастырях и т.д.

Паломничество к наиболее известным старцам, таким как Макарий, Серафим Саровский, Амвросий Оптинский носило массовый характер. Именно в монастыри, в которых находились почитаемые старцы, ходили богомольцы изо всех губерний страны и всех сословий, поэтому они занимали особое место по своему воздействию на жизнь России. Своей подвижнической деятельностью старцы оказывали глубокое религиозно-нравственное просвещение, оказывая влияние на все слои общества.

---

[1]Николаев Э.А., Ротач Н.С. Социокультурные аспекты феномена старчества и старческого служения // Власть. – 2010. – №. 7. – С. 141.

[2] Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни. в Псковской земле (с критико-биографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества).– М.: Синодальная типография, 1908. – С. 571.

[3] См. Исаев А.В. Роль и место Русской Православной Церкви в развитии государства: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1. – С. 138–148.

В XIX веке старчество в Российской империи уже достаточно основательно утвердилось в православных монастырях и широко проникло в общественное сознание граждан. Поэтому встречались и различные вариации данного понятия. К примеру, в деревнях сохранялась старинная традиция келейничества, своеобразного «монашества в миру», при котором люди формально не уходили в монастырь, но отказывались от мирской жизни. Они жили в отдельной избе (келье) от своих родственников, посвящая свою жизнь молитве и посту. Распространению данного явления способствовала традиция паломничества по монастырям, святыням, а также к популярным в народе старцам-монахам. Развитию келейничества в некоторой степени способствовали крупные монастыри, где пересекались различные социальные группы, проникая уже в городскую и дворянскую среду[1]. Полумонашеская жизнь келейных старцев делала их авторитетными в обществе. Вокруг них постепенно складывались группы почитателей, что иногда приводило к конфликтам с приходскими священниками, которые усматривали в существовании этих общин угрозу авторитету официальной Церкви. В настоящее время данное движение является признанным в Православии, но в XIX веке негативным было то, что келейничество или беседничество, имея преемственные традиции, нередко становились питательной средой для появления различных мистических движений[2], в том числе и хлыстовщины, происходило взаимопроникновение и взаимовлияние «старческих» и сектантских групп, которые уже точно не действовали положительно в процессе становления или перевоспитания несовершеннолетних.

Размышляя об институте старчества в России, можно выявить основные направления его влияния, занимающие важные места в жизни каждой семьи. Конечно это вопросы, связанные с семейными неустройствами. Семья, по мнению старцев, всегда являлась домашней церковью, где младшие должны были руководствоваться указаниями старшего поколения, где естественно формировались отношения детей к родителям и где в разумных поступках родителей закладывалась основа правильного взросления ребенка[3]. Говоря о различных семейных проблемах, подчёркивалось, что «…семейные смуты сказываются на обществе: из-за них подавляется чувство чести и правоты, теряется доверие, начинаются раздоры и тяжбы, происходит спад деятельности, ослабевают промышленные силы народа, умножаются бедность и повышается преступность…»[4].

Воспитание детей и их исправление было важной составной частью жизни русского человека от которой многое в жизни зависело. Старцы отмечали, что целью христианского воспитания, а так же главным предметом его учения должно составлять само благочестие. Характеризуя специфические черты русского старчества, можно отметить, что в нём зародились принципиально новые и плодотворные формы педагогического контакта, обусловленные своеобразием русской ментальности. Здесь определяющее значение принадлежит стержневой интуиции русского религиозного сознания[5], глубокой убеждённости в том, что все главные установки христианской жизни, обращены не только исключительно к старцам, но и обязательны для всех, пусть и не в полном объёме[6]. В силу уникальности смыслового наполнения мировоззрения христиан, а также особенностей целеполагания православных старцев этот институт значительно выделяется из ряда духовных практик и по многим параметрам им

[1] Берман А.Г. Беседничество и старчество в Среднем Поволжье // Регионология. – 2006. – № 3. – С. 364.

[2] Урбанский А. Религиозный быт беседников // Известия по Казанской епархии. – 1903. - №14. – С. 558.

[3] Монахиня Игнатия. Слово о старчестве / Монахиня Игнатия // Альфа и Омега. – 1996. –№ 2/3 (9/10). – С. 165–208.

[4] Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Иоанн (Маслов). – М.: «ДАРЪ», 2007. — С 48.

[5] См.: Матвеева Е.С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №1 (51). – С. 90–96.

[6] Налетова Н.Ю. Педагогический феномен русского старчества // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2012. – № 24. – С. 53-57.

противостоял. Универсальным воздействием в данной практике является метод усвоения и передачи традиций через систему отношений «учитель-ученик», при которой происходит «обожение» и диалог с мирским человеком, как некая трансцендентальная цель, далеко выходящая за пределы эмпирического существования. В результате так называемой трансформации человеческой природы появляются новые модальности, такие как «духовное зрение», прозорливость, дар рассуждения, различения духов и т.д. Богоуподобление является обязательным условием обретения самоидентичности человека: «…человек… может быть с самим собой только при участии Божественной благодати, в присутствии её и при её содействии, а без неё он становится чуждым самому себе….»[1]. Анализируя педагогический феномен русского старчества, важно увидеть, что ещё одной отличительной чертой является наличие развитой системы принципов проверки духовного опыта, конечным итогом чего является создание идеи личностного благочестия, которая требует от каждого человека, не зависимо от его сословного, социального и имущественного статуса, подвига и внутреннего преобразования. Осью для этого самопреобразования является система нравственных координат – «лествица» добродетелей.

Многие авторы в поучительных статьях достаточно подробно раскрывали задачи воспитания трудных детей: «…Различные богатые средства воспитания должны были противодействовать растлению человеческой природы – усовершенствуя, по возможности, её недостатки, отсекая дурные привычки и склонности, смягчать суровость, укрощать страсть, облагораживая нравы и чувства…»[2]. Советы старцев были необходимы в вопросах исправления малолетних преступников, так как выступало своеобразным русским феноменом, предложившим миру общезначимую, универсальную стратегию человеческого существования. Сочетание строгого личного подвижничества с активным выходом в мир, служением в качестве духовного учителя, советника и наставника, идеала истинной христианской жизни, даёт основание полагать, что старчество является уникальным явлением мировой педагогической культуры.

В XIX веке были достаточно распространены были правила, рекомендованные Святейшим Синодом к Епархиальным начальствам, по которым на местах могли рассматривать различные противоправные деяния несовершеннолетних. По содержанию правил предписывалось освобождать осужденных несовершеннолетних от длительных переездов в монастыри для исправления, с приданием их епитимии на месте жительства, под надзором духовных отцов и старцев, которые могли помочь в духовном исправлении падших. Влияние института старчества и учёного монашества было ощутимо не только в системе церковного судопроизводства, но и в целом в отечественной культуре[3].

В завершении можно отметить, что институт старчества в вопросах построения семьи и исправления малолетних преступников на современном этапе приобретает большое значение, особый акцент проблеме придаёт сегодняшний контекст духовного, религиозного и нравственного развития в обществе. Изучая педагогические особенности института старчества, необходимо актуализировать именно личное начало и духовное творчество. Основным смыслом антропологического понимания диады «старец-послушник» является осуществление процесса духовного становления и перевоспитания личности. В отечественной истории нет одинаковых старцев, но при этом они образуют единую «золотую цепь святости», передавая свои «дары» ученикам. Как отмечал игумен Филарет (Данилевский), рассматривая значение института старчества в России в процессе перевоспитания несовершеннолетних: «…именно

[1] Зимакова Е.В. Антропологический смысл старчества как феномена духовной традиции // Вестник славянских культур. – 2011. – Т.XXII. - № 4. – С. 6.

[2] Порфирий (Левшаков), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. – 1866. – сентябрь. – С. 124.

[3] Матвеева Е.С. Эволюция церковно-судебной системы Орловской епархии во второй половине XIX – начале XX века // диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.02 / Брянский государственный педагогический университет им. И.Г. Петровского. – Брянск, 2014. – С. 179.

истинные монахи из глубины своего уединения светили миру простым образом богоугодного жития своего и живым действенным словом спасительной истины…»[1]. Христианские аскетические наставники, обращаясь к детям, советовали не обращать их внимания на явления, ведущие к пагубным деяниям для душевного и телесного состояния. Те, кому было предопределено старческое служение, при различных явлениях жизни подрастающему поколению советовали соблюдать благоразумную холодность и спасительную осторожность.

Именно по этой причине и сегодня в условиях духовного возрождения нашего общества по-прежнему особенно актуальным является обращение молодых людей к старцам за постоянным духовным руководством, исправлением или конкретным советом.

Библиография / References:

1. Демидов Д.Н. Вопросы семьи и воспитания детей в литературном богословском наследии русских старцев // Власть. – 2012. – № 3. – С. 79 – 82.
2. Демидов Д.Н. О значении старчества в духовной жизни русского общества // Власть. – 2012. – № 1. – С. 73 – 76.
3. Зимакова Е.В. Антропологический смысл старчества как феномена духовной традиции // Вестник славянских культур. – 2011. – Т.XXII. - № 4. – С. 5 – 12.
4. Ильюнина Л. Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века. – СПб.: «Искусство России», 2012. – 288 с.
5. Исаев А.В. Роль и место Русской Православной Церкви в развитии государства: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1. – С. 138–148.
6. Лосский Н.О. Характер русского народа. Ч. 1. – М.: Ключ, 1990. – 596 с.
7. Матвеева Е.С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №1 (51). – С. 90 – 96.
8. Матвеева Е.С. Особенности развития пенитенциарной практики монастырей во 2-й половине XIX – начале XX века // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. - №1. – С. 212 – 219.
9. Матвеева Е.С. Эволюция церковно-судебной системы Орловской епархии во второй половине XIX – начале XX века: Дисс. … канд. ист. наук. – Брянск, 2014. – 229 с.
10. Монахиня Игнатия Старчество на Руси. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. – 140 с.
11. Налетова Н.Ю. Педагогический феномен русского старчества // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2012. – № 24. – С. 53 – 57.
12. Николаев Э.А., Ротач Н.С. Социокультурные аспекты феномена старчества и старческого служения // Власть. – 2010. – №. 7. – С. 140 – 143.
13. Пярт И.П. Монастырское старчество в атмосфере кризиса в Русской Православной Церкви на рубеже XIX и XX веков / И.П. Пярт // Уральский исторический вестник. – 2008. – №. 4. – С. 20 – 29.
14. Руденская Т.В. Русское старчество как духовный феномен Православия // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 1 (120). – С. 15 – 20.
15. Сизов В.С. Старчество как образец духовного руководства // Педагогика. Общество. Право. – 2014. – № 4 (12). – С. 32 – 41.
16. Шааб К.С. Старчество как гигиена духа и мышления // Аналитика культурологии. – 2011. – № 19. – С. 333 – 337.

[1] Демидов Д.Н. Глинская пустынь как духовный центр старческого окормления / Д.Н. Демидов // Власть. – 2012. – № 2. – С. 52.

1. Demidov, D.N. (2012) Voprosy sem'i i vospitaniia detei v literaturnom bogoslovskom nasledii russkikh startsev [Family issues and child-rearing in the literary heritage of Russian theological startsev] // Vlast' [Power]. – № 3. – P. 79 – 82. (In Russ.)

2. Demidov, D.N. (2012) O znachenii starchestva v dukhovnoi zhizni russkogo obshchestva [On the meaning of starčestva in the spiritual life of Russian society] // Vlast' [Power]. – № 1. – P. 73 – 76. (In Russ.)

3. Zimakova, E.V. (2011) Antropologicheskii smysl starchestva kak fenomena dukhovnoi traditsii [The anthropological meaning of starčestva as the phenomenon of spiritual tradition] // Vestnik slavianskikh kul'tur [Herald of Slavic cultures]. – T.XXII, № 4. – P. 5 – 12. (In Russ.)

4. Il'iunina, L. (2012) Zolotaia tsep' starchestva. Russkoe starchestvo XX veka [Gold chain starčestva. Russian starčestvo of the XX century] – SPb.: «Iskusstvo Rossii». – 288 p. (In Russ.)

5. Isaev A.V. (2010) Rol' i mesto Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v razvitii gosudarstva: istoriia i sovremennost' [The role and place of Russian Orthodox Church in the development of the state: history and modernity] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. 2010. – № 1. – p.p. 138–148. (In Russ.)

6. Losskii, N.O. (1990) Kharakter russkogo naroda. Ch. 1 [The nature of the Russian people] – M.: Kliuch. – 596 p. (In Russ.)

7. Matveeva, E.S. (2013) Osobennosti formirovaniia i razvitiia religioznogo pravovogo soznaniia v Rossii [Peculiarities of formation and development of religious consciousness in Russia] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Scientists note the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences]. – №1 (51). – P. 90 – 96. (In Russ.)

8. Matveeva, E.S. (2014) Osobennosti razvitiia penitentsiarnoi praktiki monastyrei vo 2-i polovine XIX – nachale XX veka [Features of development of penitentiary practice monasteries, in 2-nd half of XIX-beginning of XX century] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences] – №1. – P. 212 – 219. (In Russ.)

9. Matveeva, E.S. (2014) Evoliutsiia tserkovno-sudebnoi sistemy Orlovskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Evolution Church judicial system Orel eparchy in the second half of XIX-beginning of XX centuries]: Diss. … kand. ist. nauk. – Briansk. – 229p. (In Russ.)

10. Monakhinia Ignatiia (1999) Starchestvo na Rusi [Institution of elders in Russia] – M.: Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra. – 140 p. (In Russ.)

11. Naletova, N.Iu. (2012) Pedagogicheskii fenomen russkogo starchestva [Pedagogical phenomenon of Russian institution of elders] // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 4: Pedagogika. Psikhologiia [Bulletin of the Orthodox Saint Tikhon humanitarian universiteta. Series 4: pedagogy. Psychology]. – № 24. – P. 53 – 57. (In Russ.)

12. Nikolaev, E.A., Rotach, N.S. (2010) Sotsiokul'turnye aspekty fenomena starchestva i starcheskogo sluzheniia [Socio-cultural aspects of the phenomenon of institution of elders and senile service] // Vlast' [Power]. – №. 7. – P. 140 – 143. (In Russ.)

13. Piart, I.P. (2008) Monastyrskoe starchestvo v atmosfere krizisa v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na rubezhe XIX i XX vekov [The monastery institution of elders in an atmosphere of crisis in the Russian Orthodox Church at the turn of the XIX and XX centuries] // Ural'skii istoricheskii vestnik. – №. 4. – P. 20 – 29. (In Russ.)

14. Rudenskaia, T.V. (2011) Russkoe starchestvo kak dukhovnyi fenomen Pravoslaviia [Russian institution of elders as a spiritual phenomenon of orthodoxy] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]. – № 1 (120). – P. 15 – 20. (In Russ.)

15. Sizov, V.S. (2014) Starchestvo kak obrazets dukhovnogo rukovodstva [Institution of elders as a spiritual guide] // Pedagogika. Obshchestvo. Pravo. [Pedagogy. Society. Right]. – № 4 (12). – P. 32 – 41. (In Russ.)

16. Shaab, K.S. (2011) Starchestvo kak gigiena dukha i myshleniia [Institution of elders as hygiene spirit and thinking] // Analitika kul'turologii [Analytics of Culturology]. – № 19. – P. 333 – 337. (In Russ.)